

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-216-224

Теопасхистские формулы в контексте концепции бесстрастия Бога в раннем христианстве

А. М. Стрельцов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Выявлен спектр мнений относительно бесстрастия Бога, наличествующий в раннехристианской мысли II–III вв. При очевидном сходстве данной концепции с положениями античной философской теологии имеется и ряд отличий, главным из которых следует признать наличие теопасхистских формул и выражений, обусловленных доктриной боговоплощения. Сами точки зрения варьируют от ригидного утверждения бесстрастия (апологеты, Климент Александрийский) до более гибкого подхода Оригена и, наконец, утверждения, что в некотором смысле можно говорить о страдании Бога (Григорий Чудотворец). Не выработав единой терминологии, патристика этого периода, тем не менее, заложила концептуальную основу для последующего создания метафизики «бесстрастного страдания» Бога в христианской философии.

Ключевые слова

Бог, бесстрастие, страсти, бесстрастное страдание, Григорий Чудотворец

Для цитирования

Стрельцов А. М. Теопасхистские формулы в контексте концепции бесстрастия Бога в раннем христианстве // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 216–224. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-216-224

Integration of Divine Impassibility with the Theopaschite Formulas in Early Christianity

A. M. Streltsov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article deals with a variety of opinions concerning impassibility of God in the early Christian thought of the first three centuries. Along with obvious similarities of this

© А. М. Стрельцов, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

concept with the stance of the ancient philosophical theology certain differences also present themselves, the most obvious of which marks the presence of theopaschite formulas due to the doctrine of Incarnation. The viewpoints stretch from the rigid insistence on impassibility (Apologists, Clement of Alexandria) to a more flexible approach of Origen and, finally, to the statement that it is possible to speak of the divine suffering in some sense (Gregory Thaumaturgus). With no unified terminology worked out, Patristics of this period, nevertheless, managed to lay an appropriate framework enabling the development of metaphysics of «impassible suffering» of God in subsequent Christian philosophy.

Keywords

God, impassibility, passions, impassible suffering, Gregory Thaumaturgus

For citation

Streltsov A. M. Integration of Divine Impassibility with the Theopaschite Formulas in Early Christianity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 216–224. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-216-224

Данная работа может рассматриваться как продолжение предыдущей статьи ¹, в которой было показано, что бесстрастие (*ἀπάθεια*) Бога неизменно утверждалось как одно из его свойств в античной философской теологии, даже несмотря на очевидные различия между самими философскими школами, причем это представление нельзя свести только к наличию общей критики антропоморфизма богов мифов.

А теперь сосредоточимся на обсуждении следующих вопросов. Каким было положение дел в раннехристианской мысли в сравнении с древнегреческой философией? Был ли там такой же консенсус? В христианстве вопрос о бесстрастии Бога приобретает определенную остроту ввиду учения о боговоплощении, отсутствовавшего в нехристианской философской теологии с ее положением о бесстрастном «Боге философов» (притом что в древнегреческой мифологии и религии боги принимали облик людей и приходили на землю).

Так, уже в евангелии от Иоанна за утверждением о божественном Логосе, ставшем плотью (Ин 1:14), следует представление Логоса-Христа как жертвенного «Агнца Божьего» (Ин 1:29), причем о Боге Отце говорится, что он «отдал Сына» (Ин 3:16), страсти Христа представлены как его воцарение, а Фома вкладывает персты в его раны и восклицает «Господь мой и Бог мой!» (Ин 20:27–28).

¹ Стрельцов А. М. Концепция бесстрастия Бога в древнегреческой философии: был ли консенсус? // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16, № 4. С. 257–266.

Для более корректного обсуждения соответствующей проблематики необходимо ввести ключевые терминологические дистинкции, которым мы во многом обязаны М. Саро [Sarot, 1990]. Под бесстрастием Бога в патристике понимается невосприимчивость Бога к воздействию извне, а именно, невозможность для него претерпевать, страдать и умирать. При этом бесстрастие не эквивалентно внешнеэмоциональному состоянию: с точки зрения христианской традиции любовь Бога не нарушает его бесстрастия.

Теопасхизм – утверждение о страдании божественного Сына, что обусловлено воплощением именно Сына («Слово стало плотью»). Теопасхизм надлежит отличать от пассивизма как представления о том, что Бог подвержен страданию сам по себе, т. е., что ему свойственно страдание, а также от патрипассианства – учения о страдании Бога Отца. Выступление Тертуллиана и Ипполита, сделавших, как известно, существенный вклад в формулирование учения о Троице, против патрипассианства их визави Праксея и Нозета можно в этом смысле интерпретировать как стремление рассматривать исключительно Сына в качестве пострадавшего, как уточнение, куда заходить нельзя: нельзя говорить о Боге в том смысле, что пострадал Отец. Тенденциозную реконструкцию Ли [Lee, 1974. P. 28], что доктрина бесстрастия (ἀπάθεια) была развита в ранней церкви в противовес выступавшим против каких-либо различий в Боге модалистам, чтобы адекватно различить лица Троицы, следует признать неудовлетворительной. Несомненно, антимодалистская полемика была одним из факторов такого словоупотребления, но мы не можем найти фактов «развития» такого учения. Скорее можно согласиться с вердиктом Слюссера: «Бесстрастие Бога и, следовательно, бесстрастие Слова по природе, адекватно отстаивались теологами второго века, как я предполагаю, посредством утверждения бесстрастия Отца» [Slusser, 1975. P. 231–232]. Отчасти проблема заключалась в том, что термин «Отец» выступал в качестве имени Бога как в нехристианских, так и в христианских кругах (верно и обратное: подавляющее число употреблений слова θεός в Новом Завете относится именно к Богу Отцу), и только постепенно он стал означать первую ипостась христианской Троицы.

Настаивая на бесстрастии Бога, раннехристианские апологеты, подобно философам Античности, выступали против грубого антропоморфизма, в рамках которого страсти (полагаемые в христианском дискурсе греховными) переносились с людей на богов [Аристид, 1999. С. 293; Афинагор, 2000. С. 58, 68; Иустин, 1995. С. 55].

При этом учение о бесстрастии Бога использовалось ими для обоснования отличия абсолютно простого (и не имеющего потому частей, отвечающих за претерпевание) Бога от сотворенного им мира, для выражения специфической доктрины творения [Афинагор, 2000. С. 49–50; Иринеи Лионский, 1996. С. 139–140], направленной в том числе против гностического мифа, подразумевающего возникновение мира в результате страстей.

Тем не менее утверждением бесстрастия Бога раннехристианские авторы не ограничивались. Рассмотрение имеющихся источников показывает, что отцы церкви II–III вв. совмещали концепцию божественного бесстрастия с теопасхистскими формулами, при том, что они не были пассивистами.

Уже во II в. формула типа «бесстрастный пострадал» была обычным теопасхистским выражением [Slusser, 1975. P. 220]. Какой-либо квазифилософской рефлексией она на первых порах не сопровождалась. Например, Игнатий Антиохийский в начале II столетия говорит в одном из более значительных примеров такого словоупотребления: «Бог во плоти ... сперва подверженный, а потом не подверженный страданию» (πρώτον παθητός καὶ τότε ἀπαθής) [Писания мужей апостольских, 2008. С. 272]. Подобным образом в послании к Поликарпу Смирнскому он характеризует Бога как «бесстрастного, но для нас подвергшегося страданию» (τὸν ἀπαθῆ, τὸν δι' ἡμᾶς παθητόν) [Там же. С. 309].

Одно из наиболее ярких выражений встречается в сохранившихся фрагментах трактата Мелитона Сардийского «О душе и теле»: «Бесстрастный страждет и не воздает» (*impassibilis patitur neque ulciscitur*) [1999. С. 613]. Мелитону вторит Иринеи Лионский: «И чуждый страдания [сделался] страждущим» (*et impassibilis passibilis*) [1996. С. 280].

Именно в связи с теопасхизмом проявлявший симпатии к позднему стоицизму уроженец Карфагена Тертуллиан употребил в пылу полемики ставшие знаменитыми слова о кажущейся абсурдности веры: «Разве не воистину распят Бог? Разве не воистину Он умер, потому что был распят? (*nonne vere crucifixus est deus? nonne vere mortuus est ut vere crucifixus?*) И разве не воистину воскрес, – потому что действительно умер? ... Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» [1994. С. 165].

Хотя Тертуллиан относился к платонизму враждебно и допускал телесность Бога, тем не менее, божественное бесстрашие было и для него аксиоматичным. Тертуллиан ясно показывает, что страдание Христа как Бога напрямую связано с воплощением, т. е. не с его божественной природой (*divina substantia*), но с воспринятой им человеческой природой (*humana substantia*), при этом Дух не страдает и Отец не страдает (и даже, согласно Тертуллиану, не сострадает; он не только не *impassibilis*, но и не *incompassibilis*) [Tertulliani opera, 1965. P. 1203].

Если мы перенесемся в Александрию, то сразу столкнемся с сильным влиянием среднего платонизма. Здесь бесстрашие Бога воспринималось как данность. Так, для Климента Александрийского бесстрастен как Бог [Климент Александрийский, 2003. С. 202–203], так и Христос (абсолютно бесстрастен, ἀπαθής) [Там же. С. 42–43], апостолы, а также христианские гностики [Там же. С. 43, 44, 59]. Пожалуй, не будет большим преувеличением характеристика Климента как «в первую очередь платоника, который при этом подобно предшествующему ему Цицерону заимствует этику у стоиков» [Ferguson, 1976. P. 61].

В сравнении с Климентом Ориген создает большую интригу. Во-первых, ему принадлежит часто цитируемый отрывок из гомилии на Иез 6:6, в котором он не только утверждает страдание Логоса, но также отказывает в эмоциональном бесстрашии Отцу: «Ipse pater non est impassibilis» [Hieronymus, 1845. P. 759], утверждая тем самым не претерпевание Бога, но его любовь и сострадание.

Во-вторых, в трактате «Против Цельса» Ориген приводит доводы Цельса против христианского Бога, которые похожи на доводы Платона против греческой мифологии. Поскольку понятие πάθη ассоциировалось с телесным [Young, 2014. P. 88], то полагание Бога бесстрастным, ἀπαθής, должно было бы эффективно блокировать возможность воплощения. Цельс задается вопросом о цели сошествия Бога (ὁ νοῦς τῆς ... καθόδου τῷ θεῷ) [Ориген, 1996. С. 261], которое ему явно кажется абсурдным. Оно подразумевает изменение в Боге, что несовместимо с божественным совершенством (εἰ δὲ ἐς ἀνθρώπους κάτεισι, μεταβολῆς αὐτῷ δεῖ), потому что оно может быть только изменением к худшему, что противоречит благодати Бога. В ответ на это Ориген утверждает, что сошествие Бога не подрывает его бесстрашие: поскольку Логос даже в воплощении по сущности остается Логосом, он не претерпевает ничего из того, что претерпевают тело

или душа (οὐδὲν μὲν πάσχει ὧν πάσχει τὸ σῶμα ἢ ἡ ψυχή) [Там же. С. 272, 273].

В качестве последнего (last but not least!) примера в этом, разумеется, кратком обзоре доникейской концепции бесстрастия и теопасхизма рассмотрим трактат ученика Оригена Григория Чудотворца «К Феопомпу о возможности и невозможности страдания для Бога», который целиком посвящен проблеме страдания Бога, являясь в этом отношении уникальным в собрании сочинений раннехристианских авторов.

Парадоксальным образом Григорий настаивает как на страдании Бога, так и на том, что он остался бесстрастным даже посреди страданий:

«Ибо он в своем страдании показывает бесстрастие. ... Ибо перенесение [им] страданий было бесстрастным ... под видом страданий Бесстрастный проник в страдания, чтобы своим страданием показать, что он – страдание для страданий» [Григорий Чудотворец, 1916. С. 85–86].

В соприкосновении бесстрастного Бога и страданий побеждает сильнейшее: бесстрастный Бог, который становится «страданием страданий». Г. Фронхофен в комментарии трактата обращает внимание на то, что для описания христианского Бога Григорий находит третий путь между подверженностью страстям и бесстрастием, а именно представление особого вида страдания как проявления любви Бога. Таким образом, слово «страдание» применительно к Христу обретает в тексте Григория другой смысл: оно осознанное, добровольное и незаслуженное, в то время как страдания всех прочих людей вынужденные, происходящие по причине их вины. Практически получается так, что эта дистинкция позволяет ему сохранить бесстрастие Бога, что означает, с точки зрения Фронхофена, что «и здесь греческая идея о бесстрастии Бога оставила еще глубокий след, и поэтому христианский Бог любви еще не может обрести точные контуры с достаточной остротой» [Frohnhofen, 1987. S. 219–220]. При этом Фронхофен положительно оценивает то, что Григорий первым отходит от раздельного рассмотрения способности и неспособности Христа к страданию в соответствии с его человеческой природой и божественной природой, но рассматривает их как необходимые составные части для выражения понятия Бога как любви.

Частично принимая утверждение о родстве мнения Григория с общим античным положением о бесстрастии Бога, все же позволим себе заметить, что Григорий подвергает эту концепцию глубокой перера-

ботке. В рассуждении Григория теопасхизм так же реален, как и бесстрашие Бога. Бесстрашие и страдание относятся к Богу, хотя и в разном отношении (Бог бесстрашен, но в то же время в определенном смысле Бог претерпевает), что все же отличается от положений античной философской теологии, подразумевавших полное бесстрашие Бога. В этом смысле «третий путь» Григория лучше понимать не как *via media* между страданием и претерпеванием, но как одновременное утверждение бесстрашия и страдания, определенный этап на пути к формулировкам христианской философии V–VI вв.

Итак, несмотря на внешнее сходство раннехристианской концепции бесстрашия Бога с античной философской теологией, выразившееся в отказе от пассивизма, можно констатировать и ее отличительные особенности. Во-первых, христианское понятие бесстрашия Бога было тесно связано с доктриной творения и не подразумевало отказа от наличия чувств у Бога. Во-вторых, при некотором разнообразии мнений (от ригидного утверждения бесстрашия в случае Климента Александрийского до допущения страдания Бога Григорием Чудотворцем) обращает на себя внимание наличие у большого числа авторов теопасхистских формул и выражений, обусловленных доктриной боговоплощения, что заложило концептуальную основу для последующего создания концепции «бесстрастного страдания» Бога в христианской философии.

Список литературы / References

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетея, 1999. С. 290–336.

Aristid. Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 290–336. (In Russ.)

Афинагор. Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа. Императорам Марку Аврелию Антонину и Луцию Аврелию Коммоду, [властителям] Армянским, Сарматским, а наипаче всего философам // Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования / Пер. с древнегреч. и примеч. А. В. Муравьева. М.: Ладомир, 2000. С. 45–79.

Afinagor. Predstatelstvo za khristian Afinagora Afinyanina, khristianskogo filosofa. Imperatoram Marku Avreliyu Antoninu i Lutsiyu Avreliyu

Kommodu, [vlastitelyam] Armyanskim, Sarmatskim, a naipache vsego filosofam. Rannekhristianskiye apologety II–IV vekov [Early Christian Apologists of 2–4 Centuries]: The Embassy for the Christians. Trans. and notes by A. V. Murav'ev. Moscow, Lodomir Publ., 2000, p. 45–79. (In Russ.)

Григорий Чудотворец. Творения святого Григория Чудотворца / Пер. Н. Сагарда. Петроград, 1916.

Grigorii Chudotvorets. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsia [Works of St. Gregory Thaumaturgus]. Trans. by N. Sagarda. Petrograd, 1916. (In Russ.)

Иринеи Лионский. Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник, 1996.

Irinei Lionskii. Sv. Irinei Lionskii. Tvoreniya [St. Irenaeus. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. (In Russ.)

Иустин. Св. Иустин философ и мученик. Творения. М.: Паломник, 1995.

Iustin. Sv. Iustin filosof i muchenik. Tvoreniya [St. Justin Martyr. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1995. (In Russ.)

Климент Александрийский. Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 3.

Kliment Aleksandriiskii. Stromaty [Stromates]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2003, vol. 3. (In Russ.)

Мелитон Сардийский. О душе и теле // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. С. 583–630.

Meliton Sardiiskii. O dushe i tele [The Discourse on Soul and Body]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 583–630. (In Russ.)

Ориген. Против Цельса. Апология христианства / Пер. Л. Писарева. М.: Учеб.-информ. центр ап. Павла, МГУ, Факультет журналистики, 1996.

Origen. Protiv Tselsa. Apologia khristianstva [Contra Celsum. Apology of Christianity]. Trans. by L. Pisarev. Moscow, Uchebno-informatsonny tsentr ap. Pavla, MGU, Fakultet zhurnalistiki, 1996. (In Russ.)

Писания мужей апостольских. М.: Изд. Совет Русской православной церкви, 2008.

Pisaniya muzhei apostol'skikh [Works of Apostolic Fathers]. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2008. (In Russ.)

- Тертуллиан.** Избр. соч. / Под ред. А. Столярова. М.: Прогресс, 1994.
Tertullian. Izbrannye sochineniya [Select Works]. A. Stolyarov (ed.). Moscow, Progress Publ., 1994. (In Russ.)
- Ferguson J.** The Achievement of Clement of Alexandria. *Religious Studies*, 1976, vol. 12, no. 1, p. 59–80.
- Frohnhofen H.** APATHEIA TOU THEOU: Über die Affektlosigkeit Gottes in der griechischen Antike und bei den griechischsprachigen Kirchenvätern bis zu Gregorios Thaumaturgos. Frankfurt-am-Mein, Peter Lang, 1987.
- Hieronimus Sridonensis.** Translatio homiliarum Origenis in Jeremiam et Ezechielem. In: Migne J. P. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri opera Omnia. P., 1845. (Patrologia Latina. T. 25).
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, p. 363–375.
- Slusser M.** Theopaschite Expressions in Second-Century Christianity as Reflected in the Writings of Justin, Melito, Celsus, and Irenaeus. Oxford D. Phil. Dissertation, 1975.
- Tertulliani Opera. Corpus Christianorum Series Latina II. Turnholt, Brepols, 1965.
- Young F. M.** Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes. A. Clarke, A. Moore (eds.). Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, p. 79–94.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Стрельцов Алексей Михайлович, магистр философии, аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexey M. Streltsov, Master of Philosophy, Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

streltsov@mail.ru